

МОДЕЛИ ИСТОЛКОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Ю.Е. Арнаутова

Аннотация. В статье рассматриваются характерные для западноевропейского Средневековья представления современников об общественном устройстве. Социальное знание облекало эти представления в интерпретационные схемы (модели), оперирующие античным понятием *ordo*. Средневековые авторы понимали *ordo* метафизически — как «порядок» мироустройства и как «сословие», т.е. часть сотворенного Богом мира, у которой есть свое место и предназначение. В общественном сознании параллельно присутствовало две модели восприятия социального порядка, которые можно условно обозначить как «иерархическая» и «функциональная». Самая ранняя интерпретационная схема обосновывалась Новым Заветом (2 Тим. 2:4 и 1 Кор. 9:14; 1 Тим. 5:1) и делила общество на «два сословия Церкви» (*duo ordines ecclesiae*), т.е. на «клириков» (*clerici*) и «мирян» (*laici*), различающихся образом жизни и занятиями. Ок. 400 г. появляется монашество, тоже имеющее специфическую «форму жизни». Поэтому в сформулированной Августином, а затем Григорием Великим концепции общественного устройства зафиксировано существование в лоне Церкви уже «трех сословий Церкви» (*tres ordines ecclesiae*) — клириков, монахов и мирян. Обе модели были иерархическими, потому что обосновывали приоритетный характер служения Богу. На рубеже X–XI вв. в процессе дифференциации новых профессиональных групп (рыцарей, крестьян) модель «трех сословий Церкви» переосмысливается. «Сословия» определяются в ней в соответствии со своими функциями: «*oratores* (молящиеся)», «*bellatores* (сражающиеся)» и «*laboratores* (трудящиеся)», причем каждое из них как часть целого трудится для остальных, что означало равнозначность их функций. Схема *tres ordines ecclesiae* просуществовала вплоть до начала Нового времени, постоянно вбирая в себя все новые социальные данности. Наивысший пункт ее социально-исторического воздействия — объединение крестьян и горожан в одно «сословие», впоследствии названное во Франции «третьим сословием» (*tiers état, tiers membre*), социальное и экономическое существование которого предопределялось трудом и отсутствием привилегий.

241

© Арнаутова Ю.Е., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: Средние века, социальное знание, сословия (ordines), клирики, миряне, монахи, рыцари, крестьяне.

MODELS OF PERCEIVING SOCIAL REALITY IN THE MIDDLE AGES

Ju.Eu. Arnautova

Abstract. *The article considers the views of contemporaries about the social structure of the Western European Middle Ages. Social knowledge has represented these ideas in interpretative schemes (models), operating with the ancient concept of ordo. Medieval authors understood ordo metaphysically — as the „order“ of the world order and as an „estate“, i.e. the part of the world created by God, which has its place and purpose. In public consciousness, there were two parallel models of perception of the social order, which can be arbitrarily described as “hierarchical” and “functional”. The earliest interpretation scheme was based on the New Testament (2 Tim. 2:4 and 1 Cor. 9:14; 1 Tim. 5: 1) and divided society into “two estates of the Church” (duo ordines ecclesiae), i.e. to „clerics“ (clerici) and „laity“ (laici), which vary in their way of life and occupation. In the year 400 monasticism appeared, also having a specific “life form”. Therefore concept of social order formulated by Augustine and then by Gregory the Great, had noted the existence of “the three estates of the Church” (tres ordines ecclesiae) - clerics, monks and laity. Both models were hierarchical, because they justified the priority nature of service to God. At the turn of the X–XI centuries in the process of differentiation of new professional groups (knights, peasants), the model of the “three estates of the Church” has been rethought. “Estates” are defined in it in accordance with their functions: “oratores (praying)”, “bellatores (fighting)” and “laboratores (working)”, each of them working as a part of the whole for the rest, which meant the equivalence of their functions. The scheme of the tres ordines ecclesiae existed until the beginning of the New Time, constantly adding new social realities. The highest point of its socio-historical impact is the consolidation of peasants and townspeople into one “estate”, later called in France the “third estate” (tiers état, tiers membre), whose social and economic existence was predetermined by work and lack of privileges.*

Keywords: *Middle Ages, social knowledge, estates (ordines), clerics, laity, monks, knights, peasants.*

Средневековый человек жил одновременно в двух социальных «измерениях» — в светском и духовном. По рождению он принадлежал или не принадлежал к благородно-

му сословию, был свободным или несвободным, причем каждое из этих «состояний» предполагало множество внутренних градаций. По отношению к Церкви он был, соответ-

ственно, либо клириком — служителем Церкви, либо относился ко «всем остальным» — мирянам. Эти «мирское» и «духовное» измерения человеческого бытия были тесно связаны между собой: хотя каждый человек, принимая крещение, становился членом Церкви, несвободный не мог стать ни клириком, ни монахом, а король, например, был мирянином совершенно особого рода — помазанником Божиим. Посты епископов или настоятелей монастырей могли занимать только представители высшей знати. Монахи, каноники городских соборов, священники в большинстве своем были выходцами из средней и мелкой аристократии.

Начиная с эпохи христианской Античности и на протяжении всего Средневековья современники задавались вопросом о том, как устроено их общество. Истолкования общественного устройства облекались либо в многочисленные социальные метафоры («тела», «здания», «воинства»), либо в интерпретационные схемы, иерархические или функциональные¹, оперирующие понятием *ordo*², в которое по заложенной еще Августином традиции средневековые авторы вкладывали двойной смысл: *ordo* как «порядок» (мироустройства) и как «сословие» [3]. Августин определял *ordo* как форму упорядочивания равных и неравных вещей, т.е. как «гармонию в неравенстве», причем каждой отдельной вещи предназначалось положенное ей место: *Ordo est parium dispariumque rerum sua cuique loca tribuens dispositio*³. В отличие от современного, средневековое понятие

«сословие» носило метафизический характер: «сословия» понимались как части сотворенного Богом космоса, красота и гармония которого в том и состоят, что его отдельные части различаются между собой и каждая находится на том месте и исполняет те задачи, которые были предусмотрены для нее Творцом. Это означало, что истолкование социального устройства одновременно имело целью и объяснить существующее положение вещей, и на основе этого объяснения задать каждому *ordo* этические нормы, напрямую вытекающие из его предназначения, обосновать образ жизни каждого «сословия» и соответствующей ему специфической «культуры» со свойственными только ей формами мышления и принципами воспитания, максимами поведения, институтами и привилегиями [5, с. 179 и сл., 534 и сл.; 6 *passim*].

Уже в конце первого тысячелетия в общественном сознании латинской Европы параллельно присутствовало две модели интерпретации социального порядка, которые можно условно обозначить как «иерархическая» и «функциональная». Первой и, можно сказать, классической «иерархической» объясняющей моделью общественного устройства, просуществовавшей на протяжении всего Средневековья, было разделение общества на «два сословия Церкви» (*duo ordines ecclesiae*), т.е. на «клир» и «мирян» [7, с. 484–485]. Это специфически христианское истолкование общества: в греко-римской Античности его еще не было. Однако и в Новом Завете такое разделение еще не встречается: там словом «клир» (*clerus*,

¹ Весьма содержательный обзор средневековых истолкований общественного и государственного устройства с подробной библиографией приведены у Тильмана Струве: [1].

² Об *ordo* и *ordines* в средневековой философии см.: [2, с. 85 и сл.]

³ Цит. по: [4, с. 42 со ссылкой на: *Augustinus. De libero arbitrio. Lib. III, 9, 25*].

от греч. κλήρος — выбор по жребию, избранничество) обозначаются все принявшие крещение. Обоснование отграничения «сословия» носителей сакральных функций от «всех остальных» появляется лишь в самом конце I в. в т. н. *Первом послании к коринфянам* легендарного папы Климента I. В последующие столетия эта схема интенсивно разрабатывается церковными авторами от Тертуллиана, Евсевия Кесарийского и Августина до Григория Великого и Грациана. Мирской римский термин *ordo* был перенят социально-правовым мышлением ранней Церкви для обозначения двух групп («сословий», *ordines*) верующих, различающихся «формами жизни» в лоне Церкви. «Клир» — это те христиане, кто посвящает себя исключительно служению Господу и поэтому воздерживается от обычного в миру образа жизни и занятий, прежде всего от брака, торговли, владения имуществом, тогда как те, кто не исполняет какой-либо должности в общине, т.е. не является пресвитером или дьяконом, относятся к «мирянам» (*laici*, от λαός — плебс или греческое χθιώτης — частное лицо, простой гражданин без общественной должности и без особых профессиональных знаний).

Религиозной или спиритуальной предпосылкой разделения общества на «два сословия Церкви» стали две новозаветные максимы. Во-первых, предписание апостола Павла тем, кто посвятил себя религиозному служению, вести особый, возвышенный над мирской суетой, образ жизни: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику* (2 Тим. 2:4). Во-вторых, адресованное обществу его

же требование предоставлять содержание тем, кто несет службу в рядах «воинства Христова»: *Какой воин служит когда-либо на своем содержании?* (1 Кор. 9:7), поскольку сам *Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования* (1 Кор. 9:14; ср.: 1 Тим. 5:1). Обе максимы происходят из одного источника, а именно из новозаветного понимания «жизни во Христе» как «воинства», причем в обоих случаях аналогия с мирским воинством (*militia*) переоформляется в метафору и та возводится в ранг доказательства [8, с. 16–17 и сл.]. Противопоставление посвятившего себя служению Богу «воинства Христова» (*militia Christi*) «воинству земному» (*militia saecularis*) сигнализирует о наличии у этого сообщества определенных правил и норм жизни, хотя говорить о клире как о «сословии», причем сословии привилегированном, можно только после IV в. Именно тогда появляется специально разработанная для нового *ordo* этика, Августин теологически обосновывает освобождение от физического труда для священнослужителей, а при императоре Константине, сделавшем христианство государственной религией, они получают ряд привилегий (освобождение от военной и других общественных служб, неподсудность светскому суду, право Церкви получать наследство) [9, с. 174]. Таким образом на латинском Западе появляется неведомое античному обществу сословие, которое в силу своего государственно-политического и общественно-правового статуса стало образцом для всех привилегированных сословий в последующие тысячу лет Средневековья [9, с. 172–174].

Разделение общества на «два сословия Церкви» как схема истолкования современниками социальной действительности не являлось исключительно умозрительной конструкцией, «идеологией», потому что в общих чертах соответствовало реальности, даже воздействовало на нее, однако зеркальным отражением действительности эта схема тоже не была⁴. Прежде всего потому, что границы между «клерикальным» и «мирским» элементами общества в раннее и высокое Средневековье, т.е. до XIII столетия, были подвижными, в социальной рефлексии и в действительности оба «сословия» постоянно смешивались. Так, в начале IV в., почти одновременно с оформлением клира в отдельное замкнутое «сословие», в Западной Европе возникает монашество. Религиозно обоснованное разделение общества на клириков и мирян в соответствии с их «формами жизни» было поставлено тем самым под сомнение. Потому что монахи, и это следует настоятельно подчеркнуть, в массе своей были мирянами, поскольку не занимали церковных должностей. Но все мирское они отвергали точно так же, как и клирики. И подобно клирикам, монахи следовали определенному, строго регламентированному образу жизни (*vita religiosa*, «жизнь по уставу»), хотя и отличному от образа жизни клира. Жизнь монахов определялась аскезой — добровольным и сознательным отказом от имущества, от личных и эмоциональных привязанностей к другим людям и даже от

собственной индивидуальности. Это аскетическое удаление от мира усиливалось за счет избранного монашеством коллективного образа жизни (*vita communis*), образец которому дала жизнь первых христианских общин в Иерусалиме (Деян. 2:42-47, 4:32-35 и сл.). В духовном смысле основными принципами монашеского общежития стали любовь к ближнему (*caritas*) и братство (*fraternitas*), а в практическом — совместное владение имуществом, обязательный физический труд и распределение материальных благ по потребностям. Как известно, идею *vita communis* теоретически обосновали Пахомий Великий, Василий Великий, Августин и Кассиан [12]. Ими же в учение о монашестве была интегрирована и идея *militia* — «духовного воинства». Правда, уже на несколько иной лад: в раннее Средневековье аскетический образ жизни как образцовый (*vita perfecta*) стал ассоциироваться с жизнью в удалении от мира, и метафора «воинства Христова» все чаще стала распространяться на сообщество людей, живущих во всех отношениях «вне мира» (*extra mundum*). Таким образом, с одной стороны, монашеству были свойственны некоторые признаки обоих «сословий Церкви», мирян и клира, а с другой стороны, оно находилось как бы между ними, и это его положение между «миром» и «Церковью» сделало образ монаха в высшей степени притягательным. Не случайно поэтому в последующие столетия клир многое позаимствовал из прин-

⁴ На преимущественно идеологическом характере объясняющих социальное устройство конструкций настаивал Ж. Дюби [10, с. 17, 19 и сл., 39, 77 и сл.]. Критику его позиции и аргументы в пользу связи таких конструкций с социальной действительностью и моделирующим воздействием на нее см. у О.Г. Эксле [11, с. 68 и сл., 80 и сл.].

ципов монашеского бытия. В IV–V вв. все настойчивее звучит требование celibата для клириков (так и не ставшего обязательной нормой еще несколько столетий), который мог бы послужить укреплению «харизмы» служителей Церкви и особого положения клира в обществе. Кроме того, назначенные в помощь епископу клирики кафедральных соборов стали объединяться в общины, подобные монашеским, — каноникаты. Этому процессу «монахизации» клира в определенной мере соответствовала «клерикализация» монашества. Довольно рано монашеские общины стали брать на себя пастырские задачи: звучащие на монашеских богослужениях обращенные к Господу молитвы и испрошения стали касаться не только общины и ее членов, но и многих мирян, и мирских, в т.ч. государственных, нужд, в среде монашества непрерывно росло число т.н. ординированных монахов, т.е. принявших церковный сан [13].

Как эти процессы отразились в социальной рефлексии раннего Средневековья? С появлением монашества прежнее разделение общества на «два сословия Церкви» в соответствии с двумя «формами жизни» в известной мере потеряло значение. Новая ситуация требовала новой интерпретации. Ее дал Августин ок. 400 г. В его концепции общественного устройства обосновывалось существование в лоне Церкви «трех родов людей» (*tria genera hominum*), а именно, проповедующих Евангелие и обличенных церковными должностями клириков, живущих вне мира в молитве и созерцании монахов и, нако-

нец, пребывающих в житейских заботах мирян. В отличие от интерпретационной схемы *duo ordines ecclesiae* концепция *tria genera hominum* базировалась не на Новом Завете, а на аллегорическом истолковании библейских текстов. Августин использовал предложенную еще Оригеном в его комментарии к *Книге пророка Иезекииля* социальную аллгорию — соответствие трех упомянутых духовных позиций, или типов спиритуальности, трем ветхозаветным фигурам — Ною, Даниилу и Иову — и провел аналогии между каждым из них и соответствующим ему «родом верующих». Ной, уцелевший во всех невзгодах потопа, был «избранным», что соответствует клиру. Иов, во испытание лишенный владений, имущества и детей, но не возроптавший на Господа, до конца оставался образцовым мирянином. Воспитанный предстоятелем евнухов Даниил (Дан. 1:3) символизирует монашество, потому что с ним ассоциируется тема безбрачия [7, с. 487–491]. Схема *tria genera hominum*, или «трех сословий Церкви» (*tres ordines ecclesiae*), как в конце VI в. уточнял Григорий Великий, получила повсеместное распространение у церковных писателей, в XII столетии ее популярность достигла апогея. Сама идея трехчастной модели аллегорического истолкования стала использоваться в самых разных контекстах, от архитектуры до литургии, и дала импульс для нового витка интерпретации книг Ветхого и Нового Заветов⁵.

С разделением общества на клириков и мирян и с возникновением монашества процесс образования со-

⁵ Многочисленные примеры см.: [1, с. 230–269; 6; 7; 10; 16].

словий в Западной Европе отнюдь не был завершен. Соответственно, продолжалось и осмысление современниками новых социальных данностей в контексте объясняющих действительность моделей. Так, на рубеже X–XI столетий появляется трехчастная схема интерпретации общественного устройства, которая делила общество в соответствии с функциями его членов на «*oratores* (молящихся)», «*bellatores* (сражающихся)» и «*laboratores* (трудящихся)» [6; 7; 10; 14–16]. От прежней тройственной схемы она отличалась тем, что клир и монахи обозначались одним понятием «*oratores* (молящиеся)», а для мирян, напротив, вводилось два понятия в соответствии с их функциями — «*bellatores* (сражающиеся)» и «*laboratores* (трудящиеся)». Под последними чаще всего понимались те, кто трудится на полях — *agricultores*. И, главное, эта новая схема не имела библейского обоснования. Она явилась плодом исторического развития предшествующей схемы *tria genera hominum*, сохранив за собой и прежнее, восходящее к Григорию Великому, название *tres ordines ecclesiae* — «трех сословий Церкви». Однако если прежняя схема по сути своей была иерархической, обосновывающей приоритетный характер служения Богу как особой «формы жизни» над мирской деятельностью, то новая схема подчеркивала равнозначность функций всех трех «сословий (*ordines*)», каждое из которых взяло на себя задачу трудиться «для всех» на своем месте [17, библиография: с. 233–236].

В трехчастной модели функционального деления общества на «молящихся», «сражающихся» и «трудящих-

ся» нашли отражение две важнейших характеристики социального процесса в раннее Средневековье: слияние в общественном сознании клира и монашества в одно «сословие» и отграничение друг от друга «рыцарства» и «крестьянства» [18–20].

Причинами объединения двух прежних *ordines*, клира и монашества, в соответствии с их общественным предназначением в одно «сословие молящихся (*ordo oratoris*)» стали рост числа ординированных монахов и пастырские обязанности монашеских общин, с одной стороны, а также их постепенный отход от обязательности физического труда, предписываемого 48 пунктом *Правилom Бенедикта*, — с другой. Средоточием монашеской жизни становится литургия, часовые молитвы, чтения Священного писания и поминальная практика (*memoria*), что особенно хорошо видно на примере жизни монастырей клюнийской конгрегации уже с X в. [21]. На рубеже первого тысячелетия монахи все больше превращаются в прямом смысле в «молящихся», по своим задачам и общественным функциям приближаясь к клиру.

Параллельно с процессом слияния в социальной рефлексии монашества и клира шло интенсивное разделение «мирян» на «трудящихся» и «воюющих», т.е. происходила дифференциация и взаимное отграничение «крестьянина» и «рыцаря», *rusticus* и *miles*. Это разделение заметно уже в каролингское время, когда «землепашцы (*agricultores*)» все чаще стали упоминаться вместе с сословиями «священников» и «воинов» (*sacerdotes* и *milites*). Но если раннесредневековые документы, так или

иначе относящиеся к хозяйственной жизни общества, подчеркивали правовое состояние крестьянина (*liber* или *servus*), то к XI в. эти различия все больше нивелируются и объединяющим признаком для крестьян выступает физический труд: они рассматриваются как самостоятельные производители аграрной продукции и в этом смысле «трудящиеся» (*laboratores*) [19; 4, с. 67–69].

Начиная с VIII столетия с возрастанием роли конных воинов — дорогостоящей военной силы, все более вытесняющей крестьянское ополчение, и с возникновением основывающегося на ленном владении профессионального войска постепенно формируется представление о воинах как об отдельном привилегированном сословии со своими функциями, этикой и религиозным долгом [4, с. 72 и сл.; 18; 20, с. 51–85]. На рубеже нового тысячелетия функцией применения оружия и военной службы в нем объединялись люди разного происхождения: знатные воины, а также лично свободные люди, к которым впоследствии благодаря той же самой функции присоединились поднявшиеся из несвободного состояния министриалы. Значение данного образа восприятия социального порядка состоит прежде всего в том, что в трехфункциональной модели истолкования общественного устройства «крестьянин» не просто впервые появляется как самостоятельная социально-историческая фигура, но и сам физический труд стал рассматриваться как жизненно необходимое служение «другим»: те, кто трудятся, делают это для всех остальных, кто не работает физически, но в свою очередь выполняет собственные

задачи [17, с. 232.]. Если все три *ordines* берут на себя задачи трудиться «для всех», то из этого следует равное функциям других сословий значение физического труда, его новая — позитивная — этическая оценка. На представления о социальном неравенстве эта установка, впрочем, никак не повлияла, равно как и в оценке физического труда идеал еще долго расходился с действительностью: радикализация трудовой этики по-настоящему дает о себе знать лишь в кальвинизме и других реформационных течениях XVI–XVII вв. [21]. И все же появление трехфункциональной модели истолкования общества было явлением совершенно эпохальным, глубоко воздействовавшим на ментальности и институты Западной Европы, как показало последующее возникновение трех политических сословий в форме «трех порядков» — знати, духовенства и «третьего сословия», сохранявшихся, как известно, вплоть до Французской революции.

Модель тройственного функционального деления общества со второй половины XI в. и в XII в. активно конкурировала с прежней иерархической моделью «трех родов верующих», или «трех сословий Церкви». Однако и в этот период действительность была намного более многообразной, а социальная дифференциация — гораздо более интенсивной, чем это могла вместить интерпретационная концепция современников. В XI и XII вв. стремительные духовные, экономические, социальные изменения в обществе, прежде всего рост городов и появление университетов, дали импульс формированию новых сословных образований. Во-

первых, новым было возникновение слоя тех людей, которые жили в городе и чье существование определялось физическим трудом, т.е. совокупности городских ремесленников и торговцев — «горожан», социально-политической формой жизни которой стала городская коммуна. Вторых, в XII столетии возник слой «ученых» и просто образованных людей, профессионально занимающихся наукой или получивших образование практиков. Предпринимавшиеся некоторыми церковными авторами попытки вместить новые сословия в модель тройственного функционального деления общества, добавляя к ней под различными названиями разного рода «трудящихся» (*operarii*) [16, с. 1209 и сл.], и тем самым превратить тройственное деление в функциональное деление на четыре части, в целом успеха не имели. Обозначение нового слоя пошло не по пути введения новых слов и понятий, а посредством перетолкования старых и давно известных — «клирик» (*clericus*) и «мирянин» (*laicus*). В XII в. образованных людей воспринимали как нечто совершенно особенное, как отдельный слой или «сословие», и поэтому объединяли их под собирательным понятием *clericus*, противопоставляя ему понятие *laicus*, подразумевавшее всех, кто не был специалистом и не получил никакого образования [22, с. 171 и сл.; 23, с. 327 и сл.]. Авторитет «новых» клириков в обществе был необычайно высок и в каком-то смысле составил конкуренцию авторитету обычных священнослужителей: юристов, например, стали называть «священниками права» (*iuris sacerdotes*) [24, с. 118]. Различие «клириков» и

«мирян» как специалистов и неспециалистов сохранилось и в современных языках. Таким образом, будущее, как прежде, принадлежало тройственной модели функционального деления общества, которой еще только предстояло получить большое распространение в литературе позднего Средневековья и раннего Нового времени. В искусстве она нашла самое широкое применение вообще только с XVI в. [25], а впереди еще был наивысший пункт ее социально-исторического воздействия — объединение крестьян и горожан в одном сословии, впоследствии названном во Франции «третьим сословием» (*tiers état, tiers membre*), обозначившим наличие слоя населения, чье социальное и экономическое существование предопределялось трудом и отсутствием привилегий.

И все же деление общества на сословия, понимаемые метафизически или материалистически, так же, как и деление на классы — это интерпретационные модели из мира восприятия действительности самими интерпретаторами, средневековыми или современными. Как писал М Блок, «человеческие институты являются реальностями психологическими <...> класс существует лишь как представление, которое мы имеем о нем» [26, с. 355]. Отчасти эти «психологические реальности» воздействовали на действительность, задавая ей сословные нормы, но с точки зрения того, что «было», средневековое общество как социальное целое можно представить без особых идеологических претензий в виде совокупности различных социальных групп, которые в соответствующий их существованию исторической мо-

мент были столь же реальными, как и объединявшиеся в них, всегда по-разному, люди. Это были объединения на основе кровного родства («дом» (*domus*), род, семья) или группы, в которые люди объединялись для совместных действий во имя достижения общих целей именно потому, что не были в родстве друг с другом, — гильдии, цехи и братства, крестьянские и городские «общины» (коммуны), университеты как сооб-

щества магистров и студентов, церковные приходы, монастыри и т.п. Отношения между членами таких групп носили договорный, паритетный характер и создавали горизонтальные социальные связи, которые пронизывали все средневековое общество и были не менее значимы для его функционирования как социального целого, нежели связи вертикальные — отношения господства и подчинения [27, с. 17–19].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Struve, T.* Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Berlin, Duncker & Humblot Verlag, 2004.
2. *Michaud-Quantin, P.* Études sur le vocabulaire philosophique du Moyen Age (=Lessico intellettuale europeo 5). Roma, Edizioni dell'Ateneo, 1970.
3. *Rief, J.* Der Ordo begriff des jungen Augustinus. Paderborn, Verlag Ferdinand Schöningh, 1962.
4. *Эксле О.Г.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья / пер. с нем. и предисл. Ю. Арнаутовой). М.: Новое Литературное Обозрение, 2007.
5. *Weber, M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1972⁵.
6. *Oexle, O.G.* Deutungsschemata der sozialen Wirklichkeit im frühen und hohen Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte des Wissens // Mentalitäten in Geschichte. Methodische und inhaltliche Probleme / Hg.v. F. Graus. Sigmaringen: Thorbecke Verlag, 1987. S. 65–117.
7. *Oexle, O.G.* Tria genera hominum. Zur Geschichte eines Deutungsschemas der sozialen Wirklichkeit in Antike und Mittelalter // Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter / Hg.v. F. L. Fenske, Th. Zotz u.a. Festschrift für J. Fleckenstein. Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1984. S. 483–500.
8. *Harnack, A.V.* Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1905 (Ndr. 1963).
9. *Hintze, O.* Weltgeschichtliche Bedingungen der Repräsentativverfassung // Idem. Gesammelte Abhandlungen. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1970². Bd. 1: „Staat und Verfassung“. S. 140–185.
10. *Duby, G.* Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme. Paris: Gallimard, 1978.
11. *Oexle, O.G.* Die „Wirklichkeit“ und das „Wissen“. Ein Blick auf das sozialgeschichtliche Œuvre von Georges Duby // Historische Zeitschrift. 1981. Bd. 232. S. 61–91.
12. *Derda, H.-J.* Vita communis: Studien zur Geschichte einer Lebensform in Mittelalter und Neuzeit. Köln, Weimer, Wien, Böhlau Verlag, 1992.
13. *Nussbaum, O.* Kloster, Priestermonch und Privatmesse (=Theophaneia 14). Bonn: P. Hanstein Verlag, 1961.
14. *Dubuisson, D.* Le roi indo-européen et la Synthèse des trois fonctions // Annales É.S.C. 1979. Vol. 34. P. 1187–1215.
15. *Niccoli, O.* I sacerdoti, i guerrieri, i contadini. Storia di un'immagine della società (=Saggi 607). Torino, 1979.

16. *Le Goff, J.* Les trois fonctions indo-européennes, l'historien et l'Europe féodale // *Annales É.S.C.* 1978. Vol. 33. P. 21–34.
17. *Struve, T.* Pedes rei publicae. Die dienenden Stände im Verständnis des Mittelalters // *Idem.* Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze. Berlin: Duncker & Humblot Verlag, 2004. S. 230–269.
18. *Flori, J.* L'idéologie du glaive. Préhistoire de la chevalerie. Genève: Droz, 1983.
19. *Wenskus R.* „Bauer“ — Begriff und historische Wirklichkeit // Wort und Begriff „Bauer“ / Hg.v. F.H. Jankuhn, K. Grinda. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975. S. 11–28.
20. *Erdmann, C.* Die Entstehung des Kreuzzuggedankens. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1935.
21. *Арнаутова, Ю.Е.* «Христианская революция» в отношении к физическому труду и ее отражение в раннесредневековой латинской агиографии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Вып. 4 (78). URL: <http://ras.jes.su/history/s207987840004906-5-1> (дата обращения: 19.07.2019).
22. *Classen, P.* Die Hohen Schulen und die Gesellschaft im 12. Jahrhundert // *Archiv für Kulturgeschichte.* 1966. Bd. 48. S. 155–180.
23. *Schneider, K.* Laienbildung als Herausforderung für Kirche und Gesellschaft // *Zeitschrift für historische Forschung.* 1984. Bd. 11. S. 257–354.
24. *Kantorowicz, E.H.* The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. Princeton University Press, 1957.
25. *Kress, B.* Noah, Daniel and Job — the three righteous men of Ezekiel 14:14 in medieval art // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 2004. Vol. 67. P. 256–267.
26. *Bloch, M.* Liberté et servitude personnelles au Moyen Age, particulièrement en France: contribution à une étude des classes // *Idem.* Mélanges historiques. Paris: École Pratique des Hautes Études, 1983³. Vol. 1. P. 286–355.
27. *Oexle, O.G.* Soziale Gruppen in der Ständegesellschaft: Lebensformen des Mittelalters und ihre historische Wirkungen // *Die Repräsentation der Gruppen. Texte — Bilder — Objekte* / Hg.v. O.G. Oexle, A.v. Hülsen-Esch. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. S. 9–44.

REFERENCES

251

1. Arnautova Ju.E. „Christianskaja revoluzija v otnoshenii k fisitcheskomu trudu i eje otrazhenie v aგიოგრაფიი, *Historia*, 2019, Vyp. 4 (78), available at: <http://ras.jes.su/history/s207987840004906-5-1> (accessed: 19.07.2019). (in Russian)
2. Bloch M. “Liberté et servitude personnelles au Moyen Age, particulièrement en France: contribution à une étude des classes”, in: *Idem.* *Mélanges historiques.* Paris, École Pratique des Hautes Études, 1983³, vol. 1, pp. 286–355.
3. Classen P. Die Hohen Schulen und die Gesellschaft im 12. Jahrhundert, *Archiv für Kulturgeschichte.* 1966, Bd. 48, S. 155–180.
4. Derda H.-J. *Vita communis: Studien zur Geschichte einer Lebensform in Mittelalter und Neuzeit.* Köln, Weimer, Wien, Böhlau Verlag, 1992.
5. Dubuisson D. Le roi indo-européen et la Synthèse des trois fonctions, *Annales É.S.C.*, 1979, Vol. 34, pp. 1187–1215.
6. Duby G. *Les trois ordres ou l'imaginaire du féodalisme.* Paris, Gallimard, 1978.
7. Erdmann C. *Die Entstehung des Kreuzzuggedankens.* Stuttgart, W. Kohlhammer Verlag, 1935.
8. Flori J. *L'idéologie du glaive. Préhistoire de la chevalerie.* Genève, Droz, 1983.

9. Harnack A.v. *Militia Christi. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten*. Tübingen: Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1905 (Ndr. 1963).
10. Hintze O. „Weltgeschichtliche Bedingungen der Repräsentativverfassung“, in: Idem. *Gesammelte Abhandlungen*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1970². Bd. 1: „Staat und Verfassung“, S. 140–185.
11. Kantorowicz E.H. *The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology*. Princeton University Press, 1957.
12. Kress B. Noah, Daniel and Job — the three righteous men of Ezekiel 14:14 in medieval art, *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, 2004, vol. 67, pp. 256–267.
13. Le Goff J. Les trois fonctions indo-européennes, l'historien et l'Europe féodale, *Annales É.S.C.*, 1978, Vol. 33, pp. 21–34.
14. Michaud-Quantin P. *Études sur le vocabulaire philosophique du Moyen Age (=Lessico intellettuale europeo 5)*. Roma, Edizioni dell'Ateneo, 1970.
15. Niccoli O. *I sacerdoti, i guerrieri, i contadini. Storia di un'immagine della società (=Saggi 607)*. Torino, 1979.
16. Nussbaum O. *Kloster, Priestermonch und Privatmesse (=Theophaneia 14)*. Bonn, P. Hanstein Verlag, 1961.
17. Oexle O.G. *Dejstvitenost i znanie: Očerki socialnoj istorii Srednevekovya*, perevod s nemetskogo i predislovie Ju. Arnautova. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2007. (in Russian)
18. Oexle O.G. „Deutungsschemata der sozialen Wirklichkeit im frühen und hohen Mittelalter. Ein Beitrag zur Geschichte des Wissens“, in: *Mentalitäten in Geschichte. Methodische und inhaltliche Probleme*, Hg.v. F. Graus. Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1987, S. 65–117.
19. Oexle O.G. Die „Wirklichkeit“ und das „Wissen“. Ein Blick auf das sozialgeschichtliche Œuvre von Georges Duby, *Historische Zeitschrift*, 1981, Bd. 232, S. 61–91.
20. Oexle O.G. „Soziale Gruppen in der Ständegesellschaft: Lebensformen des Mittelalters und ihre historische Wirkungen“, in: *Die Repräsentation der Gruppen. Texte — Bilder — Objekte*, Hg.v. O.G. Oexle, A.v. Hülsen-Esch. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1998, S. 9–44.
21. Oexle O.G. „Tria genera hominum. Zur Geschichte eines Deutungsschemas der sozialen Wirklichkeit in Antike und Mittelalter“, in: *Institutionen, Kultur und Gesellschaft im Mittelalter*, Hg.v. F. L.Fenske, Th. Zotz u.a. Festschrift für J. Fleckenstein. Sigmaringen, Thorbecke Verlag, 1984, S. 483–500.
22. Rief J. *Der Ordobegriff des jungen Augustinus*. Paderborn, Verlag Ferdinand Schöningh, 1962.
23. Schneider K. Laienbildung als Herausforderung für Kirche und Gesellschaft, *Zeitschrift für historische Forschung*, 1984, Bd. 11, S. 257–354.
24. Struve T. „Pedes rei publicae. Die dienenden Stände im Verständnis des Mittelalters“, in: Idem. *Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin: Duncker & Humblot Verlag, 2004, S. 230–269.
25. Struve T. *Staat und Gesellschaft im Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze*. Berlin, Duncker & Humblot Verlag, 2004.
26. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1972⁵.
27. Wenskus R. „Bauer“ — Begriff und historische Wirklichkeit“, in: *Wort und Begriff „Bauer“*, Hg.v. F. H. Jankuhn, K. Grinda. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975, S. 11–28.

Арнаутова Юлия Евгеньевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская академия наук, odysseus1989@mail.ru

Arnautova Ju.E., ScD in History, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, odysseus1989@mail.ru